

Дискуссия об истинном благородстве и социальные классификации знати в антикварных текстах раннего Нового времени

С. Е. Федоров

Для цитирования: Федоров С. Е. Дискуссия об истинном благородстве и социальные классификации знати в антикварных текстах раннего Нового времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 3. С. 712–727. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.310>

Статья посвящена анализу влияния, которое оказала гуманистическая дискуссия об истинном благородстве на социальные воззрения английских антиквариюв в XVI–XVII вв. Она основана на группе трактатов, принадлежавших Джону Ферну, Томасу Миллзу, Джону Селдену, Мэтью Картеру и др. Автор статьи считает, что появление более или менее устойчивого интереса к описанию и классификации nobilitas и более широко — социальных групп британского общества раннего Нового времени неразрывно связано с антикварной традицией XVI–XVII вв. Именно в рамках этой традиции произошел эпистемологический поворот, приведший к дискурсивной фрагментации социального порядка (далее — социального вообще), а также формировавших его целостность групповых образований. Антикварное фреймирование социального порядка основывалось не только на отказе от значимого для средневековой функциональной модели принципа корпоративного (институционального) единства, исходного для всех последующих классификаций. Корпоративно-функциональному единообразию и постоянству противопоставлялись специфические групповые признаки, открывавшие возможности для «пересборки» старого порядка с учетом заведомо заложенного в этих признаках многообразия. В антикварных концепциях nobilitas обретает два связанных между собой значения. С одной стороны, этот термин используется для обозначения всей совокупности знати и означает ее групповой эквивалент, открывавший перспективы для дальнейшей персонализации ее состава. С другой — понятие подразумевает совокупную знатность вообще и в этом смысле отражает сложную рефлексию относительно аристотелевского и стоического учения о благородстве. В статье отмечается сходство репертуара цитат классических авторов (Аристотель, Платон, Сенека и Ювенал), использовавшихся и гуманистами, и антиквариями, что рассматривается не только как свидетельство обоюдного погружения в тему, но и как аргумент в пользу

Сергей Егорович Федоров — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; s.fedorov@spbu.ru

Sergey E. Fyodorov — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; s.fedorov@spbu.ru

Статья написана при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-28-00267 «Рождение социального: социальная терминология и классификации в интеллектуальном дискурсе раннего Нового времени».

The article is financially supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 23-28-00267 “The Rise of the Social: Social terminology and Classifications in the Early Modern Intellectual Discourse”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

источника такого рода соответствия, которым могли служить тексты итальянских гуманистов XV в., содержавшие рассуждения об истинном благородстве.

Ключевые слова: Англия XVI–XVII вв., антикварный дискурс, истинное благородство, знать, корпорация, социальная группа.

Debate on the True Nobility and Social Classifications of the Nobility in the Early Modern Antiquarian Corpora

S. E. Fyodorov

For citation: Fyodorov S. E. Debate on the True Nobility and Social Classifications of the Nobility in the Early Modern Antiquarian Corpora. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 3, pp. 712–727. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.310> (In Russian)

The present article examines the impact of the 15th-century Renaissance debate on the true nobility on social beliefs of the English antiquarians of the 16th and 17th centuries. It is based on textual corpora of J. Ferne, T. Milles, J. Selden, M. Carter, and other well-known early modern intellectuals. The author of the article believes that a persistent tendency towards a coherent description and classification of nobility and more broadly — of any social group within the early modern British society — is inseparably connected with the antiquarian tradition of the 16th and 17th centuries. It was within this tradition that so called epistemological turn emerged that led to discursive fragmentation of the entire social order as well as social groups which formed its entirety and complexity. The antiquarian framing of all complexities of social order was based not only on the rejection of an idea of institutional entity — crucial for the medieval corporate theory. In contrast to corporate-functional homogeneity and consistency, it introduced particular group-wide characteristics. These features opened up opportunities for remodeling of the ancient regime with consideration of diversity inherent in social indicia. *Nobilitas* in the antiquarian texts acquired at least two interconnected meanings. The term was used as a reference to an assemblage of an entire nobility and in this way was very close to a group-wide identity. At the same time, it denoted a total gentility and, in this context, reflected the very complex of Aristotelian and Stoic understanding of the true nobility.

Keywords: the 16th–17th centuries England, antiquarian discourse, true nobility, nobility, corporation, social groups.

Вклад английских и, более широко, британских антиквариев в интеллектуальное наследие европейского общества раннего Нового времени трудно переоценить. Речь идет не только о созданной ими «новой» истории, во многом открывшей перспективы для становления профессионального исторического знания, разработанных ими уникальных методах лексикографии и исторической этимологии, но и об их влиянии на разработку античной и средневековой палеографии и кодикологии. Наряду с этими относительно хорошо изученными проявлениями антикварного наследия остаются совершенно не исследованными сюжеты, среди которых особое место занимает осуществленный ими небывалый прорыв в сферу толкования, классификации и систематизации социальной терминологии. Именно этот прорыв предопределил известный поворот в формировании социального знания раннего Нового времени и раскрыл возможные перспективы для становления обновленной картины мира.

Становление «социологических» взглядов антиквариев и «социальной» терминологии антикварного дискурса в целом во многом отталкивалось от средневековых интеллектуальных конструкций общественного порядка, и в этом смысле

между двумя эпохами одновременно существовали вполне понятные, осознаваемые современниками линии преемственности и определенного «методологического» разрыва. При этом отношение к наследию гуманистов, оставаясь никак не обозначенным в антикварных текстах, терялось, как представляется, в обилии цитат из античных авторов и средневековых авторитетов.

В настоящей статье предпринимается попытка показать, как на примере гуманистической дискуссии об истинном благородстве идеи Ренессанса могли оказывать и, со всей вероятностью, оказывали влияние на «социологические» воззрения антиквариетов и как они питали представления о корпоративном благородстве знати.

Истинное благородство, или *vera nobilitas*, — это важнейший концепт в этических представлениях итальянского гуманизма, представлявший собой не только определенный общественный идеал, но и концепт, бывший частью практической философии европейских интеллектуалов эпохи Ренессанса. Сложившийся под влиянием переосмысления аристотелевского учения о добродетелях, с одной стороны, и наследия стоиков — с другой, он сыграл решающую роль не только в становлении представлений об императивах социальной жизни западноевропейского общества XV–XVII вв., но и о границах, созидающих основы так называемой «новой» социальности общественных групп и объединений.

В своем общем виде интерес к этой проблематике формируется уже в сочинениях Данте, Петрарки и Бокаччо¹, обрастает определенным социальным контекстом в произведениях Колуччо Салютатти, Леонардо Бруни, Леонардо Баптисты Альберти, Лапо да Кастильонкио и Энея Сильвия Пикколомини² и становится неотъемлемой частью ренессансного топоса о так называемом «новом человеке» (*homo novus*), осмысленного в аристотелевских тонах. В сочинениях Джованни Бонакорсо да Монтеманьо и Поджо Браччолини³ обозначается известный сдвиг, приведший не только к переосмыслению аристотелевского понимания «внешних» условий для формирования благородства, но и прежних подходов в понимании самого концепта «нового» человека.

Переосмысление аристотелевских взглядов на проблему благородства предопределило появление так называемой консервативной волны, сторонники которой ратовали за возвращение к устоявшимся приоритетам в трактовке «внешних» условий для формирования благородства. Речь идет о группе гуманистов XV в., пред-

¹ *Dante Alighieri. Le Opere. Testo Critico della Società Dantesca Italiana / a di cura M. Barbi. Florencia, 1938; Boccaccio Giovanni. De casibus virorum illustrium // Tutte Le Opere di Giovanni Boccaccio / a cura di V. Branca. T. IX. Milano, 1983.*

² *Salutati Coluccio: 1) De Laboribus Herculis: in 2 Bdn. / Hrsg. B. L. Ullman. Zürich, 1951; 2) De nobilitate legum et medicinae // Edizione nazionale dei classici del pensiero italiano / a cura di E. Garen. Florencia, 1947; Bruni Leonardo (Aretino): 1) Humanistisch-Philosophische Schriften / Hrsg. H. Baron. Leipzig; Berlin, 1928; 2) Laudatio Florentinae Urbis // Baron Hans. From Petrarch to Leonardo Bruni. Studies in Humanistic and Political Literature. Chicago, 1958. P. 217–263; Alberti Leon Battista. I Libri della Famiglia // Opere Volgari / a cura di C. Grayson. Bari, 1960. T. I. P. 1–341; Lapo da Castiglionchio. Brief an Roberto Strozzi // Reden und Briefe italienischer Humanisten / Hrsg. K. Müllner. Berlin, 1898. S. 249–259; Piccolomini Enea Silvio: 1) Epistula 114 'De Eurialo et Lucrezia se amantibus // Opera, quae extant omnia. Basel, 1571 (reprint: Frankfurt, 1967). S. 623–644; 2) Carmen 83: In Nobilem Gloriosum // Opera inedita descripsit ex Codicibus Chisianis vulgavit notisque illustravit J. Cugnoni. Roma, 1883. P. 680.*

³ *Buonaccorso da Montemagno (il Giovane). De nobilitate tractatus // Prose e Rime de' due Buonaccorsi da Montemagno con Annotazioni ed alcune Rime di Niccolò Tinucci. Florencia, 1718. P. 2–97; Bracciolini Poggio. De nobilitate liber // Opera Omnia / a cura di R. Fubini, Th. de Tonelli. Turin, 1964–1969. T. I. P. 64–83.*

ставленной такими известными фигурами, как Карло Марзуппини, Лауро Квирини и Тристано Караччоло⁴. Наконец, в сочинениях Бартоломео Платины и Антонио де Феррариса⁵ и, конечно же, Кристофоро Ландино⁶ рассуждения итальянских гуманистов подверглись систематизации и перекочевали из области этически ориентированных конструкций в сферу так называемой практической философии.

Сформировавшаяся таким образом традиция была уникальным и, самое главное, самодостаточным явлением итальянского гуманизма XV в., однако, как представляется, во всей своей полноте так и не вышла за рамки Апеннинского полуострова⁷. О содержании этой традиции были хорошо осведомлены итальянские эрудиты XVI–XVII вв., но благодаря общей направленности итальянского движения эрудитов ее влияние было, скорее, симптоматичным, проявившемся прежде всего в многообразии педагогических идей раннего Нового времени. Благодаря сочинениям Леонардо Бруни и Кристофоро Ландино проблема истинного благородства была близка и понятна немецким эрудитам в том виде, в котором она воспроизводилась в эрудитском дискурсе о немецком дворянстве⁸. С сочинениями Бруни, Салютатти и Ландино были знакомы французские эрудиты⁹, ссылавшиеся на соответствующие трактаты¹⁰.

Благородство, по классификации Аристотеля, относится к числу так называемых деонтологических добродетелей и в этом качестве неразрывно связано с действиями и поступками индивида. Как и всякая добродетель, она символизирует золотую середину, обозначая собой определенное состояние между избытком и недостатком и в этом смысле отражает телеологические по своему характеру порядок, симметрию и предельность (конечность).

⁴ *Marsurppini Carlo*. Carmen Ad Poggium de nobilitate // *Carmina illustrium poetarum Italarum*. Florentia, 1720. T. 6. P. 282–284; *Quirini Lauro*: 1) De nobilitate contra Poggium Florentinum // *Quirini Lauro: Studi e testi* a cura di K. Krautter, P. O. Kristeller, A. Pertusi, G. Ravegnani, H. Roob, C. Seno raccolti e presentati da V. Branca. Florentia, 1972. P. 74–98; 2) De nobilitate responsio quid iuri // *Ibid.* P. 99–102; *Caracciolo Tristano*. Nobilitatis Neapolitanae Defensio // *Opuscoli Storici editi e inedita* / a cura di G. Paladino, Bologna, 1934–1935. P. 141–148.

⁵ *Platina (Sacchi) Bartolomeo*. De vera nobilitate // *De vitiis maximorum pontificum historia*. Venedig, 1511; *Antonio de Ferrariis Galateo*. Epistole / a cura di A. Altamura. Lecce, 1959.

⁶ *Landino Cristoforo*: 1) De vera nobilitate / a cura di M. T. Liaci. Florenz, 1970. (Nuova Collezione di Testi Umanisti Inediti o Rari. XV); 2) De nobilitate animae (De anima) libri tres / a cura di A. Paoli, G. Gentile // *Annali delle Università Toscane*, 1915–1916. T. 34; 3) *Disputationes Camaldulenses* / a cura di P. Lohe. Florentia, 1980.

⁷ *Di Fonzo Claudia*. Dalla letteratura al diritto e ritorno: il concetto di nobiltà da Dante a Tasso passando per Bartolo // *Forum Italicum*. 2018. Vol. 52 (1). P. 3–16; *Donati C.* L'idea di nobiltà in Italia: secoli XIV–XVIII. Bari; Laterza, 1988; *Tateo F.* La disputa della nobiltà // *Tateo F.* Tradizione e realtà dell'Umanesimo italiano. Bari; Dedalo, 1974. P. 355–442.

⁸ *Agrippa von Nettesheim*. Splendidae Nobilitatis Viri, & armatae militiae Equitis aurati, ac vtriusque iuris doctoris. Köln, 1531; *Rantzau Joachim*. Oratio De Nobilitate Et Ad Qvodnam Bonorum genus illa referenda sit. Argentorati, 1596; *Schopper Andreas Ludwig*. Disputatio De Nobilitate Politica. Altorffii Noricorum, 1602; *Stephani Mathias*. Tractatus de nobilitate civil. Francofurti, 1617. — Более подробно об эрудитской дискуссии см.: *Bleek K., Garber J.* Nobilitas: Standes- und Privilegienlegitimation in deutschen Adelstheorien des 16. und 17. Jahrhunderts // *Daphnis*. 1982. Bd. 11. S. 49–114; *Wieacker F.* Gründer und Bewahrer. Rechtslehrer der neueren deutschen Privatrechtsgeschichte. Göttingen, 1959; *Burmeister K. H.* Das Studium der Rechte im Zeitalter des Humanismus im deutschen Rechtsbereich. Wiesbaden, 1974.

⁹ *Gilli P.* La Noblesse du droit. Débats et controverses sur la culture juridique et le rôle des juristes dans l'Italie médiévale (XIIe–XVe siècles), Paris, 2003.

¹⁰ *Tiraqueau André*: 1) De nobilitate et iure primogeniorum. Lugdunum, 1573; 2) *Commentarii de nobilitate et iure primogeniorum*. Lugdunum, 1617.

В «Никомаховой этике» — центральном и для гуманистов, и для антиквари-ев/эрудитов сочинении Аристотеля — сама добродетель описана очень скупо. Насколько можно судить, благородные, то есть направленные на достижение общественного блага, действия воспринимались им как наиболее совершенные в моральном плане поступки. Природа таких действий была не только predetermined логически, поскольку стремление к общественной пользе воспринималось им аксиологически. Не менее важным оказывался сознательный выбор, на деле означавший отказ от личного наслаждения и пользы как мотивационно исходных параметров. Только неизменное стремление к наивысшей форма добра — общественному благу — составляла смысл благородства как добродетели.

Совершая благородный поступок, индивид не только осознавал характер своих действий (NE. II. 4. 1105a.31), но обладал достаточными основаниями для такого поступка (NE. I. 8. 1099a.22). Существенным признавалась также особая форма мужества, которая была необходима для готовности действовать в таком направлении (NE. III. 1115b.21).

Благородство как добродетель играло особую конституирующую роль в достижении всеобщего счастья и блага, поскольку подразумевало не только индивидуальные наслаждение и удовлетворение, но и коллективное воздаяние и восхищение. Аристотель полагал, что индивид, совершая благие поступки, испытывал неизменное наслаждение и удовлетворение, поскольку следовал предписаниям природного порядка (NE. I. 8. 1099a. 17–18; II. 1109a. 26–29). За этими двумя состояниями обычно следовали вознаграждение (NE. III. 5. 1113b.23–26) и всеобщее восхищение (NE. IV. 4. 1125b.10–11).

Обращавшиеся к тексту «Никомаховой этики» гуманисты испытывали известные сложности с идентификацией потенциального состава способных к совершению благородных поступков индивидов. Аристотель, как известно, не уточнял необходимые, но при этом обусловленные внутренней природой человека предпосылки¹¹. Напротив, его подход на деле допускал исключаящие друг друга варианты, предполагавшие в том числе отсутствие какой-либо врожденной предрасположенности к реализации направленного на общественное благо поступка. При этом акцент на преобразующей, а не закрепляющей силе самой добродетели, как представляется, не только снимал необходимость детализации исходных характеристик индивида, но и был предпочтительным для ее целостного понимания.

Отсутствие четких ограничений в определении первоначальной природы индивида представлялось гуманистам XV в. принципиальным и требовало интерполяции, во многом заполнявших структурно-смысловые лакуны аристотелевского текста¹². Поскольку «Антология» Иоанна Стобея, содержащая принципиальные с этой точки зрения фрагменты аристотелевского диалога «О благородстве», оставалась недоступной вплоть до второй четверти XVI в.¹³, заполнить такие лакуны можно было двумя способами.

¹¹ В этом плане очень показателен фрагмент, в котором говорится, что добродетели существуют в человеке «не по природе (*physei*) и не вопреки природе (*para physin*)» (NE. II. 1103a. 25).

¹² Эту особенность аристотелевских текстов отмечал уже Петрарка. См.: *Pétrarque. Le traité De sui ipsius et multorum ignorantia* / ed. L. M. Capelli. Paris, 1906. P. 68.

¹³ Речь идет о двух из четырех дошедших до нас фрагментах этого диалога — F92R³ (Stobaeus, *Anthologium*. IV.xxix. A25) и F 94 R³ (Stobaeus, *Anthologium*. IV.xxix. C52). Книги III и IV «Антологии» были впервые изданы Витторе Тринкавелли (1496–1558) в Венеции в 1536 г. Полное издание этого

Первый вариант предполагал использование текстов самого Аристотеля и прежде всего популярной среди гуманистов «Политики», отдававшей предпочтение не только известности, но и родословной причастных к общественным деяниям индивидов. Дополненные таким образом цитаты из «Никомаховой этики» не только усиливали «закрепляющую» функцию самой добродетели, но и воспроизводили широко известные уже в Средневековье представления о знатности, соотносившись с более понятными для западноевропейских интеллектуалов римскими аналогами. Во втором случае, ссылаясь на тексты Платона¹⁴, Сенеки¹⁵ и Ювенала¹⁶, гуманисты акцентировали «преобразующий» смысл самой идеи благородного поступка¹⁷ и в этом смысле легитимировали характерный для гражданских идеалов XV в. тип общественного служения. И в том, и в другом случае речь шла исключительно о раскрытии содержательной амбивалентности аристотелевского понимания благородства как добродетели.

Отношение английских антиквариев к наследию итальянских и, более широко, европейских гуманистов XV в. отличалось известным своеобразием. Существенными были и методологический разрыв, и неприятие гуманистической практики цитирования, а также комментирования античных текстов. Они не разделяли принципов так называемой последовательной (риторически организованной) речи и негативно относились к ренессансной композиции, выступая против предписаний соблюдать соответствующие стили в зависимости от предмета изложения, считали «неорнаментированный» язык наиболее подходящим для исторической прозы.

Критика ренессансной традиции, тем не менее, предполагала несомненное знание гуманистических текстов. Несмотря на отсутствие прямых цитат и упоминаний имен итальянских гуманистов в антикварных сочинениях, их связь с ренессансным наследием не вызывает сомнения. И репертуар античных авторов, на которых ссылаются английские антиквари, и набор цитат из античных текстов¹⁸, используемых для доказательства и иллюстраций, и, собственно, большая часть

сочинения Стобея увидело свет только в 1609 г. в Женеве. Современное издание греческого текста: *Aristotelis. Fragmenta Selecta* / ed. by W.D. Ross. Oxford, 1952. Оригинальный текст и перевод на французский язык с обширными комментариями опубликован: *Aristote: De la richesse, De la prière, De la noblesse, Du Plaisir, De l'éducation: fragments et témoignages édités, traduits et commentés* / ed. par P.-M. Schurl. Paris, 1963. P.81–132; английский перевод см.: *The Complete Works of Aristotle (The Revised Oxford Translation)* / ed. by J. Barnes. Oxford, 1984. Vol. II. P.2422–2424.

¹⁴ Среди наиболее часто встречающихся ссылок на платоновские тексты фигурируют два его диалога: «Менексен» (Plat. Menex. 237a; Plat. Menex. 247a-b) и «Тэтет» (Plat. Theaet. 174e–175a).

¹⁵ Речь идет о его «Нравственных письмах к Луцилию» (Sen. Ep. 44, 1; Sen. Ep. 44, 2–3; Sen. Ep. 44, 4; Sen. Ep. 44, 5).

¹⁶ Чаще всего присутствуют ссылки на VIII сатиру Ювенала (Iuv. VIII. 1–9; Iuv. VIII. 19–26; Iuv. VIII. 30b–32; Iuv. VIII. 39–42; Iuv. VIII. 68–77; Iuv. VIII. 135–141; Iuv. VIII. 231–233; Iuv. VIII. 269–275).

¹⁷ О значении стоиков для акцентуации «преобразующей функции добродетели писал уже Петрарка, см.: *Pétrarque. Le traité De sui ipsius et multorum ignorantia*. P.68–69. Тенденция в использовании текстов стоиков сохраняется и в XVII в., см.: *Brooke C. Stoicism and anti-Stoicism in the seventeenth century* // *Gratiana*. 2001/2002. Vol. 22/23. P.93–116.

¹⁸ Наиболее полное представление об использовании античных авторов для доказательной базы антикварных текстов дает «Каталог редких авторов» Джона Селдена, помещенный им в качестве приложения к его трактату «О титулах благородства».

идей, которыми оперируют авторы, указывает на особого рода преемственность¹⁹. Можно говорить об известном расширении репертуара древних и, более того, раннесредневековых авторов, на которых опирались антикварные тексты. В частности, речь идет об использовании упоминавшейся уже «Антологии» Стобея и об одноименном сочинении Филона Александрийского, адаптировавшего античную традицию в понимании добродетели для философского-религиозного контекста²⁰.

Такая преемственность обнаруживается не только в текстах, посвященных проблемам знатности, титулованной и нетитулованной знати, но и в тех сочинениях, которые менее всего ассоциируются с антикварной традицией, — педагогических и нравоучительных трактатах. При этом именно педагогические трактаты, начиная по меньшей мере с сочинений Лоуренса Хамфри, обнаруживают более устойчивую связь с ренессансными дискуссиями о благородстве, чем сочинения, связанные с описанием группового состава английской и, более широко, британской знати.

В своем наиболее общем виде образовательные проекты антиквариев реализуют стоический вариант прочтения аристотелевского учения о благородстве как добродетели с присущим для него акцентом не только на врожденном у человека стремлении к общественному благу, но и на положительно преобразующем эту природу влиянии самой добродетели²¹. В отличие от педагогических идей «социальный» проект антиквариев нацелен не столько на преобразовательные, сколько на описательные и систематизирующие задачи²².

Такого рода задачи требуют не только принципиальных уточнений, но и в своей совокупности касаются иного рода реальности. В образовательном «проекте» вопрос о нижней «социальной» границе обучающихся был не только непринципиален: ее открытость была желательным и отвечающим целям самого «проекта»

¹⁹ Федоров С. Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. Вып. 1. С. 77–89.

²⁰ Текст Филона «О благородстве» был впервые издан Лоуренсом Хамфри в Базеле в 1560 г. в качестве приложения к его трактату, см.: *Humphrey Laurence. Optimates, Sive De Nobilitate, Eiusque Antiqua origine, natura, officijs, disciplina. Basileae, 1560*. В 1563 г. текст этого трактата вместе с приложением был переведен на английский язык, см.: *Humphrey Laurence. The nobles or of nobilitye. The original nature, dutyes, right, and Christian institution thereof three booke. Fyrste eloquentlye writte[n] in Latine by Lawrence Humfrey D. of Diuinity, and presidente of Magdaleine Colledge in Oxforde, late englished. Whereto for the readers commoditye [sic], and matters affinitye, is coupled the small treatyse of Philo a Iewe. By the same author out of the Greeke Latined, nowe also Englished. London, 1563*. Затем в 1564 г. вышло подготовленное им же отдельное издание, см.: *Philo Alexandrinus. Liber de Nobilitate. Colonia, 1564*.

²¹ Доступ к наследию стоической философии оставался весьма ограниченным для антиквариев. Как правило, основным источником были не только «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки, но и имевшие широкое хождение тексты Цицерона, с симпатией относившегося к стоическому пониманию добродетелей. См.: *Kraje J. Stoicism in the Renaissance from Petrarch to Lipsius // Gratiana. 2001. Vol. 21. P. 21–46*. Особенностью восприятия произведений Сенеки оставалась известная еще со времен Иеронима близость этической доктрины стоиков с христианским учением. Так, Липсий приводит широко известное утверждение Иеронима относительно стоиков (In Isaiam IV. II: «Stoici nostro dogmati in plerisque concordant») в своем *Manuductio ad Stoicam philosophiam* (I. 17). См.: *Lipsius Justus. Opera omnia. 4 vols. Wesel, 1675. Vol. IV. P. 675*.

²² *Bryson A. The Rhetoric of Status: Gesture, Demeanor and the Image of the Gentleman in Sixteenth- and Seventeenth Century England // Renaissance Bodies: The Human Figure in English Culture c. 1540–1660 / ed. by L. Gent and N. Lewellyn. London, 1990. P. 136–154*.

условием. Описание и систематизация различных категорий знати, напротив, подразумевали необходимость такого рода ограничений.

Речь идет о том, что стратегии описания реальности, основанные исключительно на правовых (сословных) принципах, теряют в сознании антиквариев свою монополию, уступая место иному рода практикам, отличающимся известным многообразием. Происходит четко обозначенный сдвиг в сторону сначала смыслового, а затем и концептуального разведения социального и политического, сопровождавшийся не только деперсонификацией институтов, но и повышенным интересом к образующему эти институты персоналу. При этом персональное начинает доминировать над корпоративным и даже коллективным. Сначала социопрофессиональные, а затем и социальные группы актуализируются и становятся предметом описательной дедукции. Отметим, что социальное, политическое и собственно правовое обретают не только качество самостоятельных эпистемологических феноменов, последовательно противопоставлявшихся друг другу, но и становятся важнейшими инструментами определения различных общественных и государственных образований, включая такие явления, как институциональность, групповость, иерархичность и системность²³.

Между стиранием в интеллектуальном дискурсе средневековой сословной модели, связанной с правовой интерпретацией общественных отношений и укоренением так называемой современной модели достаточно четко просматривается переходный период, в рамках которого была предпринята масштабная актуализация социального²⁴.

Именно таким образом в рамках антикварной традиции происходит эпистемологический поворот, приведший к дискурсивной фрагментации социального порядка (далее — социального вообще), а также формировавших его целостность групповых образований²⁵.

²³ Федоров С. Е., Паламарчук А. А. Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестюартовской Англии // Цепь времен: проблемы исторического сознания: сборник статей памяти профессора М. А. Барга. М., 2005. С. 151–197; Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Прошлое крупным планом: темпоральные измерения в антикварном дискурсе // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад. М., 2010. С. 226–244.

²⁴ В основу этого исследования положены следующие трактаты антиквариев: *Ferne John*. The Blazon of Gentry: Devided into two parts. The first named, The Glorie of Generositie. The second, Lacyes Nobilitie. Comprehending discourses of Armes and of Gentry. Wherein is treated of the beginning, parts and degrees of gentleness, with her lawes: of the bearing, and blazon of Cote-armers: of the lawes of armes, and of combats. London, 1586 (далее — BG); *Segar William*: 1) The Booke of Honor and Armes. London, 1590 (далее — BH); 2) Honor Military and Ciuill contained in foure Bookes. London, 1602 (далее — HMC); *Milles Thomas*: 1) Nobilitas Politica vel Civilis. London, 1608 (далее — NPC); 2) The Catalogue of Honor, or Treasury of true Nobility, peculiar and proper to the Isle of Great Britaine. London, 1610 (далее — CH); *Selden John*. Titles of Honor. London, 1614 (далее — TH); *Carter Matthew*. Honor Redivivus or an Analysis of Honour and Armory. London, 1660 (далее — HR); *Ashmole Elias*. The Institutions, Laws and Ceremonies of the Most Noble Order of Garter. London, 1672 (далее — ILC). Использовались также глоссарии, составленные антиквариями: *Cowell John*. The Interpreter or a Book containing Signification of Words. London, 1637 (далее — IB); *Spelman Henry*. Glossarium archiaologicum [sic] — continens latino-barbara, peregrina, obsoleta, & novatae significationis vocabula. London. 1687 (далее — GA); *Brady Robert*. The Glossary // Brady Robert. An Introduction to the Old English History. London, 1684 (далее — TG).

²⁵ Об антикварной эпистемологии: Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб., 2015; Паламарчук А. А., Терентьева Е. А., Федоров С. Е. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021; Федоров С. Е. Аристократия при ранних Стюартах. 1603–1629. СПб., 2023. С. 47–144.

Фрагментация социального порядка, определение характерных для него внутрисистемных элементов, а также их последующее фреймирование основываются не только на стирании основополагающих для сословной модели принципов корпоративно-институционального единства, но и свойственного предшествующим классификациям монофункционализма. Речь идет о том, что корпоративно-функциональное единообразие и постоянство заменяются в такого рода конструкциях подвижными, но при этом специфическими групповыми признаками, обладавшими с эпистемологической точки зрения возможностью для акцентуации функционального многообразия, не свойственного отношениям старого порядка²⁶.

От многообразия как принципа, лежавшего в основе переосмысления реальности, зависела не только фрагментация социального порядка в целом, но и определявших его структуру элементов. Фрагментируемое целое не повторяло свойств его отдельных конститuentов и не являлось суммарной совокупностью их характеристик. Такое целое, оставаясь автономным от собственной структуры единством, приобретало новые черты и обретало статус коллективного субъекта. При этом собственно конститuentы не только сохраняли свою исходную и в этом смысле генетически обусловленную специфику, но и рассматривались динамически в широкой исторической ретроспективе. Такого рода ретроспектива обеспечивала желательный для антикварной эпистемологии разрыв, принципиально разводящий структурный срез создаваемого коллективного субъекта — в конечном счете социальной группы и генеалогию его отдельных конститuentов. Эпистемологически и по отдельности образующие такое «собранное» единство элементы не только сохраняли свою историческую специфику, но и в рамках целого обретали отличные от генетически и генеалогически обусловленных свойства, которые можно было рассматривать как определяемые такого рода целостностью характеристики. «Сборка» социальных групп осуществлялась в буквальном смысле с использованием свойств и качеств их отдельных конститuentов, но при этом преобразуемых, а затем и абстрагируемых с учетом социального профиля такого коллективного субъекта²⁷.

Когнитивная модель, определявшая антикварный дискурс, предполагала взаимообусловленность и при этом одновременно автономность самого социального порядка и образующих его природу конститuentов. Противоречивость такого рода модели определялась ограниченностью инструментальных ресурсов, которые были доступны для антиквариив. С одной стороны, они были вынуждены отталкиваться от корпоративной теории и этакратического взгляда на организацию социального пространства — с другой. Ресурс корпоративной теории был ограничен доступными для использования предписаниями общего права, а этакратический подход предполагал непреодолимую зависимость социальных приоритетов от волеизъявления верховной власти.

²⁶ Характерные для XVI–XVII вв. взгляды на корпоративную теорию были систематизированы в форме собрания правовых прецедентов, опиравшихся в основном на традиции классического Средневековья. См.: *Brooke Robert*. La Graunde Abridgement: in 2 vols. London, 1576; *Fitzherbert Anthony*. La Graunde Abridgement: in 2 vols. London, 1577; *Plowden Edmund*. The commentaries, or Reports of Edmund Plowden... — containing divers cases upon matters of law, argued and adjudged in the several reigns of King Edward VI, Queen Mary, King and Queen Philip and Mary, and Queen Elizabeth. London, 1761.

²⁷ НМС. P. 238–239, 240–242; ТН. P. 240–247, 420–423, 502, 627; NPC. P. 39, 132, 135.

В рамках антикварного дискурса любые рассуждения о корпорации (*universitas*) отталкиваются от представления о том, что, оставаясь юридическим лицом, она сохраняет за собой все признаки, традиционно приписываемые коллективному субъекту. Такого рода коллективная субъектность выстраивалась с учетом четкого разграничения отличий в функциональном предназначении целого и образующих его отдельных элементов. Рассматриваемая с учетом этих различий *universitas* не только нивелирует любое проявление индивидуальной субъектности, но и исключает субъектно выраженную активность образующих ее единство элементов. Соотнесенность целого и его конститuentов остается как количественно, так и качественно несущественной²⁸.

С точки зрения формального подхода любого рода корпорации позиционировались как недискретные и субстанционально целостные правовые явления (в конечном счете — правовые фикции), которым приписывалась особая форма юрисдикции, определявшая господствовавшие в обществе представления о пределах коллективных правомочий ее отдельных элементов. При этом собственно социальные границы такого рода объединений считались несущественными, поскольку правовое поле, в котором функционировала *universitas*, предполагало иного рода ограничения²⁹.

В рамках антикварной эпистемологии *universitas* рассматривалась и как *collectio personarum plurium*, и как *collectio plurium corporum racionabilium speciale nomine attributo*³⁰. Исключались не только персонифицирующие само описание корпораций уточнения, но и классифицирующие такую индивидуализацию построения. Сохраняя актуальной юридическую субъектность корпорации, антикварный дискурс использует связанные с этим принципом характеристики для определения исходного состава группообразующих критериев.

Наиболее значительными в связи с этим становятся уже упоминавшиеся автономность целого от формирующих его состав конститuentов и ограниченная формальными признаками дискретность. При этом монофункциональный характер *universitas* как имманентно присущее свойство, гарантируемое ее конститuentами, начинает восприниматься как ограничивающее ее деятельность явление и впоследствии пересматривается.

Любопытно, что все три особенности корпорации никогда не рассматриваются в антикварных текстах в совокупности. Автономность целого и ограниченная формальными признаками дискретность, как правило, рассматриваются там, где антикварные тексты нацелены на конструирование абстрактных наиболее обобщенных характеристик *pobilitas*, объединенных категорией достоинства.

В таких конструкциях усматриваются параллели с определением трехчастной природы верховной власти, в котором на ряду с короной, официалом (служением) обычно фигурирует позиция, воспринимаемая антиквариями как достоинство. С одной стороны, любые рассуждения об ограниченности монофункционального характера корпораций обычно появляются в том случае, когда уравновешенные в своем значении военное и гражданское служение противопоставляются традиционной идущей из глубин Средневековья военной функции знати. С другой —

²⁸ GA. P. 138–142; TG. P. 27–33; TI. «universitas».

²⁹ TG. P. 28; TH. Preface.

³⁰ TG. P. 27–33.

стремление противопоставить многофункциональность знати монофункциональности корпораций заметно там, где антикварианты пытаются определить возможные границы благородных с учетом нетрадиционных для средневековой модели *nobilitas* категорий.

Такое разделение классифицируемых функций корпораций во многом можно объяснить двумя принципиальными обстоятельствами. С одной стороны, достаточно четко просматривается тенденция на обособление достоинства как корпоративного свойства благородных, подразумевающего совмещение как аристотелевского, так и стоического понимания исходной добродетели и отличающегося в этом смысле от его средневекового аналога. Воспринимаемое таким образом единое достоинство и структурно, и содержательно предопределяет обновленные характеристики *nobilitas*, которые становятся нормативно значимыми на уровнях стигматизации, сигнификации и хабитуализации ее отдельных конституентов, определяя новые модели репрезентации и поведения общности во времени и пространстве. С другой стороны, обособленное (абстрагированное) достоинство последовательно коррелирует с подвижной по своему составу группой, отдельные члены которой воспринимают эти ценности исходной добродетели как основу для стереотипизации коллективных установок и самоидентификации. При этом собственно достоинство и функционирующие на его основе конституенты представляют две взаимообусловленные, но не идентичные стороны одного явления.

Именно такое понимание совокупной добродетели и исходного набора группопобразующих критериев обнаруживает непосредственное влияние ренессансной концепции истинного благородства в том виде, в котором она сложилась у итальянских гуманистов эпохи Кватроченто³¹. Объем и формы этого влияния не поддаются однозначной трактовке не только из-за отсутствия в антикварных текстах прямых ссылок на гуманистические трактаты, но и по причине нетипичного для интеллектуалов XV в. содержательного и инструментального контекста антикварных текстов.

Речь идет о том, что топос «нового человека» в его аристотелевском и стоическом истолковании был использован антиквариантами в рамках нетипичной для этической проблематики корпоративной теории, а также служил основой для обоснования группопобразующего контента³². Собственно, сама перспектива поиска группопобразующих критериев во многом затушевывала вполне очевидные параллели и выводила смысловые поиски за рамки сугубо этических конструкций. При этом логика антикварных спекуляций не только не исключала такого рода заимствования, но и следовала в русле идей гражданского гуманизма, в особенности его более поздних модификаций, представленных сочинениями Кристофоро Ландино³³.

Обращение антиквариантов к корпоративной теории было одновременно и данью традиции, воспринимавшей саму идею такого рода объединений основой сословной организации средневековой Англии и Европы в целом, и осознанием особен-

³¹ Впервые такого рода представления изложены в трактате Джона Ферна (BG. Dedication; P. 1–26, 33–35, 48–56). Последней фиксирующей такие подходы была позиция Эшмола и Брэди (ILC. P. 1–5; TG. P. 23–25).

³² TH. P. 305–340; ILC. P. 5–6, 31–36.

³³ *Jorde T. Cristoforo Landino De vera nobilitate. Ein Beitrag zur Nobilitas-Debatte im Quattrocento.* Stuttgart; Leipzig, 1995; *McNair B. Cristoforo Landino. His Life and Thought.* Leiden, 2019; BG. P. 23–45; TH. P. 34.

ной роли, которую играло общее право, а также его прецеденты в доказательной базе их сочинений. Сама идея корпорации была не только упорядочивающим реальность, но и преобразующим ее структуру интеллектуальным ресурсом.

Инструментальность, основанная на корпоративных началах конструкции, проявляется в антикварных текстах прежде всего в том, что она рассматривается как образование, в основных параметрах которого проявляется логически важная и в этом значении матричная для последующего конструирования специфика. Не менее важной осталась возможность использовать образующие эту целостность элементы для выстраивания оппозиционных, но по своему характеру зеркально выстроенных характеристик.

Использование корпоративной конструкции во многом проявляется в последовательности, с которой в антикварных текстах акцентируется уже отмеченное противостояние целого и составляющих его единство элементов. Целое при этом сохраняет свое исходное единство, поскольку именно идея целостности используется для актуализации корпоративного достоинства знати — совокупного благородства. Осознанная таким образом совокупная добродетель сохраняет за собой особый статус и в этом смысле остается одновременно и преобразующе-закрепляющей функцией коллективного субъекта, и его предельно выраженным качеством, в котором сочетаются не только аристотелевское, но и стоическое видение благородства³⁴. Акцент на качественной составляющей корпоративного достоинства знати во многом нейтрализовал связь с количественными характеристиками целостности, поскольку эти качества воспринимались как переменные³⁵. При этом конструируемая из корпоративных конститuentов (количественный показатель и переменная) группа позиционировалась в антикварных текстах противоположностью средневековой *universitas*, поскольку коллективное достоинство, а не коллективная правоспособность и юрисдикция определяли потенциал подвижного по своему составу группового контингента. При этом целостность корпоративного достоинства и собственно доступного для персонализации коллективного (группового) субъекта оставались по-прежнему взаимосвязанными, но сохраняли субстанциональную автономию³⁶.

О матричном характере используемой в антикварных текстах корпоративной конструкции можно судить также и по описываемым в этих текстах «социальным» практикам, основное содержание которых определяется коллективным по своей природе достоинством. Речь идет об обусловленных такого рода достоинством концептах, влиявших на формирование общественно значимого образа знати, совокупности особого рода кодов и знаково выраженных коллективных параметрах, используемых во внутри- и межгрупповой коммуникациях, а также ориентирован-

³⁴ ВГ. Р. 64–73; ТН. Р. 258–293; НР. Р. 15–23.

³⁵ Такого рода особенность заметно проявляется в содержательной структуре антикварных текстов, где общие рассуждения о достоинствах знати образуют самостоятельные разделы, за которыми обычно следуют персонифицированные списки знати. Сначала такие списки носят универсальный характер и покрывают всю территорию королевства. Затем под влиянием Джона Лиланда (1503–1552) происходит их регионализация на уровне отдельных британских композитов. Наконец, появляются списки исключительно регионального характера, ограниченные территориями отдельных графств.

³⁶ НМС. Р. 238–239, 240; NPC. Р. 28–29, 38–39, 135; ТН. Р. 240–247, 420–423, 439–441, 502, 627; ГА. Р. 64–70, 138–142, 187–192.

ных на стабилизацию самой группы ценностных установках и репертуаре, репрезентирующем оформленный таким образом коллектив.

Увязываемые напрямую или опосредованно с корпоративным достоинством знати такие характеристики формировали своеобразный срез коллективного самосознания группы. Определяя суть и направленность идентитарных процессов, они предполагали наличие особого рода фильтров, обуславливавших не только наличие внешних границ у группы, но и гарантировали функциональную целостность такого рода образования. При этом лежавший в основе ценностного репертуара группы идеал, воспроизводивший аристотелевскую и стоическую модели «нового человека», не столько дифференцировал группу, исходя из изначальной природы индивида, сколько предполагал наличие вариативности и в этом смысле был нацелен на многообразие возможных инклюзивных примеров. Перспектива персонализации состава группы превращалась не только в реальную, но и становилась логически необходимой и обусловленной.

Если матричная функция корпоративной конструкции использовалась в антикварных текстах для общего фреймирования двухчастной модели знати, подразумевавшей взаимообусловленность, но при этом известную автономность коллективного достоинства и открытого для персонализации группового (коллективного) субъекта, то процесс актуализации зеркально противоположных характеристик такого субъекта был связан с пересмотром матричных характеристик подобного рода конструкции.

С особой последовательностью этот прием антикварной эпистемологии обнаруживается в рассуждениях о коллективном субъекте и переосмыслении его основных особенностей. Оставляя неизменной саму идею соотнесенности целого с формирующими его внутренними срез элементами, антиквари отказываются от отношения к этому целому как к поглощающему индивидуализирующие его контингент параметры и особенности. Целостность преобразуется и становится организованной на основе иерархичности многоуровневой структурой, состоящей из объединенных совместной деятельностью конститuentов³⁷. Антикварный дискурс XVI–XVII вв. пока не содержит прямых определений такого рода совместных действий как социальных, но видя в них различные варианты служения общественному благу, отказывается от значимого для корпоративной деятельности правового контекста. Такая деятельность конститuentов реализует идеалы корпоративного достоинства знати и в этом смысле практически его воплощает.

Осмысленная именно в таком ключе активная деятельность коллектива становится не только прагматической, поскольку ориентация на идеалы корпоративного достоинства подразумевает практическую полезность, но и сохраняет связь с исходной в этом случае коллективной субъектностью. Не менее важным остаются опосредованные этой формой субъектности совместные действия, которые не исключают при таком подходе индивидуализирующие их проявление варианты. В конечном счете коллективный субъект превращается в общественную структуру, которая не только допускает, но и начинает поощрять многоуровневые формы деятельности и поступков. Не сложно предположить, что в рамках такой системы активности исчезает любой намек на монофункциональную деятельность средне-

³⁷ НМС. Р.240; NPC. Р.28–39; ТН. Р.240–242, 420–423, 502, 627; ГА. Р.67–70, 142, 187–192.

вековых корпораций и появляется возможность для спекуляций вокруг многофункциональности уже собственно социальных объединений.

Любопытно, что подобного рода спекуляции соседствуют в антикварных трактатах не только с определением потенциальных возможностей коллективного субъекта и его конститuentов к различного рода совместным и индивидуальным действиям, но и с потенциальной направленностью самой целостности (в каждом из двух ее измерений) к созданию особого рода ценностных ориентиров, которые напрямую не зависят от его внутренней организации. Речь может идти, к примеру, об известной параллели двух форм служения короне, а в перспективе и обществу в целом. Соединявшие в себе, по сути, аристотелевское и стоическое толкования благородства как добродетели, обе формы служения не только соединялись и уравнивались по своему назначению, но и постепенно трансформировались самим целым во всеобъемлющее служение монархии. Именно идея такого всеохватывающего служения была способна реализовать характерный для стоической философии нетрадиционный многоплановый срез благородных, но при этом не нарушала групповой целостности нобилитета³⁸.

Целое наделялось в антикварных текстах и определенной способностью сначала создавать, а затем воспроизводить определенные возможности для представительства различных категорий в административных и управленческих структурах королевства. Именно таким способом описывался групповой срез тюдоровской и стюартовской аристократии. Персонификация списков аристократии в антикварных текстах не нарушала исходные представления о целостности знати, поскольку в ее основе лежала аристотелевская формула (аристократия — власть наилучших). При этом расширялось не только исходное понимание гражданского служения знати, но и общественный функционал самой целостности как таковой.

Особую роль приобретает воспринимаемая в стоических тонах многофункциональность рыцарства. Его начинают понимать как обладающее по меньшей мере двумя назначениями явление. С одной стороны, рыцарство сохраняет за собой основную конституирующую функцию нобилитета, поскольку благодаря такому сохранению обеспечивается ценностное воспроизводство военной составляющей нобилитета. При этом количественный состав рыцарства во многом затруднял и, как следствие, исключал его персонализацию в повсеместно создаваемых списках знати. Такого рода сложности приводили к необходимости вытеснения рыцарства из персонифицированных каталогов знати и замыкали собственно нобилитет на его титулованной страте. С другой стороны, связанные с рыцарской культурой ценности активно использовались для развертывания самой идеи знатности — коллективного достоинства, и в этом смысле рыцарское звание обретало статус обязательного атрибута в корпоративном титуле любого знатного индивида³⁹.

Наделяя знать многообразным функциональным назначением, акцентируя при этом способность целого к созданию дополнительных сфер для деятельного проявления благородства, антиквари видоизменяли само представление об исходном соотношении целого и его конститuentов в традиционной корпоративной модели. Отмеченный этими особенностями эпистемологический поворот требовал иного рода описательных и классифицирующих приемов.

³⁸ ВГ. Р. 76–93; ТН. Р. 67–91, 114–118; ICL. Р. 178–181.

³⁹ ВГ. Р. 23–28; ТН. Р. 330–340.

Антикварные тексты содержат важные с точки зрения рождающегося социального пространства индикаторы, которые начинают использовать для опредмечивания структуры самой знати. Речь идет о поэтапном наращивании эпистемологического аппарата, отражающего набирающие силу представления не о правовом, а о социальном статусе нобилитета, проявляющемся как на коллективном, так и индивидуальном уровне.

Первоначально знать воспринимают как совокупность титулов и достоинств. Затем рождается представление о соотношенности этих титулов и достоинств с титулованной и нетитулованной знатью. Такая схема дополняется индивидуальным измерением, когда нетитулованные и титулованные разряды формируют корпоративный срез отдельного достоинства владельца. При этом каждый индикатор статуса фиксируется на уровне порядков знати, соответствующих отдельным композициям королевства.

Многоплановость антикварных построений сопровождается акцентуацией не только полифункциональности знати, но и определенной группы предпочтений, которых придерживаются антикварные тексты. Речь идет о том, что среди всех озвучиваемых в антикварных текстах функций знати, группировавшихся вокруг идеи всеобъемлющего служения монархии, постепенно обособляется управленческая функция, генетически связанная с гражданским служением. Поскольку именно эта функция знати была направлена более, чем военная, на реализацию общественного блага, любые производные от нее предназначения могли почитаться практически превосходными и, несомненно, оправданными⁴⁰.

Появление производных от гражданского служения функций знати не только развивало и усложняло ее общественный функционал, но и указывало на существенный разрыв, характеризовавший корпоративные и собственно групповые целостности. При этом управленческая функция не только в своем исходном виде отражала общественное предназначение аристократии, но и, по существу, объединяла весь вертикальный срез как титулованной, так и нетитулованной знати.

Таким образом, в антикварных текстах XVI–XVII вв. понятие *nobilitas* обретает два связанных между собой значения. С одной стороны, этот термин используется для обозначения всей совокупности знати и означает ее групповой эквивалент, открывавший перспективы для дальнейшей персонализации ее состава. С другой — понятие подразумевает совокупную знатность вообще и в этом смысле отражает сложную рефлексивность относительно аристотелевского и стоического учений о благородстве⁴¹.

⁴⁰ ВГ. Р. 11–130; ТН. Р. 310–320.

⁴¹ Двухчастная модель анализа *nobilitas* в антикварных текстах во многом соответствует описательным стратегиям, которые использовались при анализе совокупной природы верховной власти и ее взаимоотношениям с нобилитетом. Антикварные тексты о природе верховной власти оставались более консервативными, поскольку содержащиеся в них обозначения для совокупного нобилитета отражали более устойчивые сегменты корпоративной теории, но такого рода преемственность не исключала двухчастной репрезентации нобилитета. С этой целью использовались понятия *universitas regni* («корпорация королевства») или же *universitas communis* («всеобщая корпорация»), отражавшие корпоративную целостность нобилитета. Собственно такая корпорация знати позиционировалась как совокупность всех баронов королевства, которые, в свою очередь, являлись основными держателями земли *in capite*. Именно в таком виде *universitas regni* была представлена в верхней палате парламента и именно в таком качестве она противопоставляется в антикварных классификациях *communitas communis*, то есть нации, и тем самым сохраняет исходные

References

- Bleeck K., Garber J. Nobilitas: Standes- und Privilegienlegitimation in deutschen Adelstheorien des 16. und 17. Jahrhunderts. *Daphnis*, 1982, vol. 11, pp. 49–114.
- Brooke C. Stoicism and anti-Stoicism in the seventeenth century. *Gratiana*, 2001/2002, vol. 22/23, pp. 93–116.
- Bryson A. The Rhetoric of Status: Gesture, Demeanor and the Image of the Gentleman in Sixteenth- and Seventeenth Century England. *Renaissance Bodies: The Human Figure in English Culture c. 1540–1660*. London, Chicago, University of Chicago Press, 1990, pp. 136–154.
- Burmeister K. H. *Das Studium der Rechte im Zeitalter des Humanismus im deutschen Rechtsbereich*. Wiesbaden, Guido Pressler, 1974, 334 S.
- Di Fonzo Claudia. Dalla letteratura al diritto e ritorno: il concetto di nobiltà da Dante a Tasso passando per Bartolo. *Forum Italicum*, 2018, vol. 52 (1), pp. 3–16.
- Donati C. *L'idea di nobiltà in Italia: secoli XIV–XVIII*. Bari, Laterza, 1988, 402 p.
- Fyodorov S. E. *Aristocraria pri Rannich Stuartach*. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2023, 668 p. (In Russian)
- Fyodorov S. E. Imperskaya idea I monarchii k ischodu srednich vekov. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2013, vol. 1, pp. 77–89. (In Russian)
- Fyodorov S. E., Palamarchuck A. A. Rubezhi antikvarnogo soznania: istoria I sovremennost v rannestu- artovskoi Anglii. *Tsep vremen: problemui istoricheskogo soznania*. Moscow, IWH RAS Press, 2005, pp. 151–197. (In Russian)
- Gilli P. *La Noblesse du droit. Débats et controverses sur la culture juridique et le rôle des juristes dans l'Italie médiévale (XIIe–XVe siècles)*. Paris, Champion, 2003, 360 p.
- Jorde T. *Cristoforo Landinos De vera nobilitate. Ein Beitrag zur Nobilitas-Debatte im Quattrocento*. Stuttgart, Leipzig, B. G. Teubner, 1995, 304 S.
- McNair B. *Cristoforo Landino. His Life and Thought*. Leiden, Brill, 2019, 236 p.
- Palamarchuck A. A., Fyodorov S. E. *Antikvarni diskurs v rannestu- artovskoi Anglii*. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2015, 308 p. (In Russian)
- Palamarchuck A. A., Fyodorov S. E. Proshloe krupnuim planom: temporalnui izmerenia v antikvarnom di- skurse. *Obrazui i istoricheskie predstavlenia. Rossia — Vostoch — Zapad*. Moscow, IWH RAS Press, 2010, pp. 226–244. (In Russian)
- Palamarchuck A. A., Terentyeva E. A., Fyodorov S. E. *Rozdenie nacionalnogo istoriopisania v Anglii I Francii*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2021, 308 p.
- Tateo F. La disputa della nobiltà. *Tateo F. Tradizione e realtà dell'Umanesimo italiano*. Bari, Dedalo, 1974, pp. 355–442.

Статья поступила в редакцию 11 марта 2023 г.

Рекомендована к печати 3 мая 2023 г.

Received: March 11, 2023

Accepted: May 3, 2023

границы nobilitas. Нетрудно заметить, что конститuentы universitas communis, то есть бароны ко- ролевства, не отражали реального состава титулованной знати, отличавшегося разнообразием ти- тулов, но такой прием был необходим для акцентуации особого типа взаимоотношений верховной власти и самой знати. В этом смысле, оставаясь правовой фикцией (persona fictae), совокупность ба- ронов королевства определялась антиквариями как политическое тело universitas communis. Знать, как корпорация, обладала по аналогии с верховной властью не только своим политическим телом (body politicke), но и это тело сосуществовало с мистически интерпретированным вторым элемен- том такого рода целостности — совокупным выражением знатности. См.: ТН. P. 8–46; ТГ. P. 27–33.